

СЭР БЭЗИЛ ЛИДДЕЛ-ГАРТ

РЕШАЮЩИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА
ОТ СРАЖЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Генри Лиддел Гарт

Решающие войны в истории

«Центрполиграф»

Лиддел Гарт Г. Б.

Решающие войны в истории / Г. Б. Лиддел Гарт —
«Центрполиграф»,

Английский военный историк и теоретик капитан Бэзил Генри Лиддел-Гарт, будучи редактором энциклопедии «Британника» и вынужденно копаясь в различных периодах военной истории, пришел к выводу, что решающие результаты в какой бы то ни было кампании достигались только в том случае, если действия полководцев были противоположны ожиданиям противника, «непрямыми», как он их назвал. Его стратегия «долгого пути вокруг», поиск верной военной доктрины исследуются в настоящей книге на примере войн, кардинально повлиявших на развитие мировой истории.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сэр Бэзил Лиддел-Гарт

Решающие войны в истории

Посвящается Айвору Максе, учащему солдат побеждать

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

Первая глава этой книги является предисловием в общепринятом значении этого слова, объясняющим цель, масштаб и тему, развиваемые более постепенно и менее последовательно, чем в обычном введении к книге, и как основной идеей книги является попытка выделить суть изучения предмета и размышлений над ним в течение ряда лет, так и изложение истории – выдержки из заметок, сделанных в ходе изучения каждой из отображенных войн. Для автора было бы легче развить эти заметки в повествование большее по объему, но желание «не заслонять деревьями леса» привело к жесткому сокращению несущественных фактов. Если, на вкус некоторых читателей, в книге мало подробностей, прошу их простить меня в свете того, что эта книга является скорее «путеводителем» по изучению истории для обучающегося по данной специализации, нежели фундаментальным трудом, содержащим все подробности.

Я бы также желал выразить в этом «предварительном предисловии» благодарность за любезность, оказанную всеми теми, кто читал и высказывал замечания к черновику и ссылкам на различных этапах подготовки книги. За ценные замечания и предложения благодарю в особенности моих друзей бригадных генералов Дж.Г. Дилла, Б.Д. Фишера, Дж.Ф. Фуллера, Х. Карслейка, полковника графа Горта, господина Е.Г. Хоука и Т.Е.С.

Часть первая

Великие войны 500 г. до н. э. – 1914 г. н. э.

Глава 1

История как практический опыт

«Дураки говорят, что они учатся на собственном опыте. Я предпочитаю использовать опыт других». Это известное изречение, процитированное Бисмарком, но ни в коей мере не им придуманное, странным образом соотносится с вопросами войны. Поскольку часто замечалось, что солдат, в отличие от обладателей других специальностей, редко имеет возможность применить свои знания на деле. В самом деле, можно даже заявить, что профессия военного в буквальном смысле вовсе и не является работой, а всего лишь «эпизодической занятостью». И парадоксально, что военное дело перестало быть профессией именно тогда, когда «солдата удачи» сменил «профессиональный солдат» – когда наемные солдаты, которые принимались на службу и оплачивались именно с целью ведения войны, были заменены армиями, содержащимися на постоянной основе, солдаты которых продолжали оплачиваться и в мирное время.

Этот логичный, пусть даже и в чем-то резкий, аргумент напоминает об объяснении, часто приводимом в прошлом, относительно размера жалованья офицеров, на которое невозможно прожить, и также высказываниях некоторых из этих офицеров о выполнении ими малого объема работы за день – суть этого аргумента в том, что жалованье офицера является не зарплатой, а неким задатком, который выплачивается ему в качестве гонорара за то, что он предоставит свои услуги в случае войны.

Если аргумент, что «профессии военного» в чистом виде не существует, не верен сегодня в большинстве армий относительно выполняемого объема работы, он неизбежно усилен относительно практики в свете все реже ведущихся войн. Приходим ли мы тогда к выводу, что армии обречены становиться все более и более «любительскими» – в широко распространенном плохом смысле этого слова, которым очень сильно злоупотребляют и употребляют неверно? Поскольку, очевидно, даже лучшая из возможных в мирное время программ военного обучения дает более «теоретический», нежели «практический» опыт.

Но афоризм Бисмарка выставляет проблему в другом, более обнадеживающем свете. Он помогает нам понять, что есть две формы практического опыта – прямая и непрямая. И из этих двух непрямой практический опыт может быть более ценным, поскольку он бесконечно шире. Даже в самой активной карьере, особенно в карьере солдата, охват и возможности прямого опыта крайне ограничены. В противоположность военной профессии, медицина предоставляет непрерывную практику, но все же и здесь крупные открытия совершают исследователи, а не обычные практикующие врачи.

Прямой опыт неизбежно слишком ограничен и может только обеспечивать твердый фундамент для теории или для практического применения. В лучшем случае он создает среду, которая ценна тем, что упорядочивает структуру нашего мышления и освобождает ее от всего лишнего. Большая ценность непрямого опыта лежит в области его большего разнообразия и пределов. «История – это универсальный опыт» – опыт не какого-то одного, но многих разнообразных условий.

Таким образом, мы имеем рациональное обоснование для военной истории – ее преобладающая практическая ценность состоит в обучении и умственном развитии военнослужащего. Но польза от ее изучения, как и от других видов опыта, зависит от широты изучения и от применяемых методов обучения.

Военные обычно признают общую верность наиболее цитируемого изречения Наполеона о том, что «моральное соотносится с физическим как три к одному». Фактическое арифметическое соотношение может быть и малоценным, поскольку боевой дух склонен понижаться, если вооружение не соответствует требованиям, и от самой сильной воли мало толку, если она помещена в полумертвое тело. Но хотя моральные и физические факторы и являются неотделимыми и неделимыми, высказывание обрело свою бессмертную ценность тем, что оно выражает идею преобладания во всех военных решениях духовных факторов. От них неизменно зависит исход войны и сражения. И в военной истории они формируют собой единственные постоянные факторы, изменяясь только в степени, в то время как физические факторы почти в каждой войне и каждой ситуации изменяются фундаментально.

Осознание этого доминирует над всем процессом изучения военной истории для практического использования полученных знаний. В течение последних нескольких поколений методика обучения состоит в том, чтобы выбрать одну или две кампании и изучать их досконально, как средство для того, чтобы развить одновременно наши умы и военную теорию. Но постоянные изменения в средствах ведения войн, от войны к войне, влекут за собой серьезную опасность (даже неизбежность) того, что наш кругозор сузится и усвоенные уроки будут ошибочными. В области материального единственный постоянный фактор – это то, что средства ведения войны и условия их применения неизменно не являются постоянными.

Напротив, человеческая природа в своей реакции на опасность меняется незначительно. Конкретные люди в зависимости от принадлежности к определенному народу (а также расе), их окружения или пройденного обучения могут быть менее чувствительны в этом плане, чем другие, но это отличие – в степени, оно не имеет фундаментального характера. Чем точнее локализована ситуация, тем более дезориентирующим и менее поддающимся вычислению будет такое различие. Это может сделать невозможным любое точное определение сопротивления, которое окажут конкретные люди в какой-либо ситуации, но оно не отменит верности суждения, что такое сопротивление будет слабее, если на людей будет воздействовать фактор внезапности, и наоборот, оно будет сильнее, когда они насторожены и бдительны, или же сопротивление, оказываемое уставшими и голодными людьми, будет слабее выказанного ими же при условии, что они будут отдохнувшими и накормленными. Чем шире поле психологических наблюдений, тем лучшую основу для выводов они предоставляют.

Главенство психологического над физическим и его большее постоянство приводят к выводу о том, что база любой военной теории должна быть максимально широкой. Интенсивное изучение одной кампании, если оно не основано на широком изучении военной истории в целом, может привести нас к ошибочному выводу о том, что данная кампания является вершиной военного искусства. Но если мы видим, что определенный эффект является следствием определенной причины (в большом количестве случаев, в различных эпохах и в различных условиях), это является основанием рассмотреть данную причину как составную часть любой военной теории в целом.

Эта книга, как и тезис, вытекающий из нее, является продуктом именно такой «экстенсивной» проверки. Она может, очевидно, быть названа составным эффектом определенных причин – связанных с моей работой военного редактора энциклопедии «Британника» – поскольку, пока ранее я копался в различных периодах военной истории, выбирая их в соответствии с моими наклонностями, данная задача заставляла изучать ее целиком, часто против моего желания. Наблюдатель, даже, если угодно, турист, имеет лучшее поле зрения и может, по крайней мере, охватить общую картину земной поверхности, в то время как шахтер знает только свой пласт. Во время этого изучения одно мое впечатление постоянно усиливалось – то, что на протяжении всей истории решающие результаты в войне достигались только когда действие было непрямым. Говоря другими словами, стратегия «долгого пути вокруг» – это кратчайший путь попасть туда, куда стремишься.

Все более и более ясно становится, что при прямом движении к чьему-то ментальному объекту (или психологической цели) вдоль «линии естественного ожидания» оппонента наиболее вероятен отрицательный результат, и обычно он и имеет место. Причина выражена графически в наполеоновском изречении «моральное соотносится с физическим как три к одному». Это может быть выражено научно, формулировкой, что, в то время как сила вражеской страны внешне выражена в ресурсах и числах, последние фундаментально зависимы от стабильности или «равновесия» управления, морали и поставок всего необходимого. Последнее – это плоть, покрывающая опорный скелет из костей и связок.

Наносить удар сообразно ожиданиям противника означает консолидировать устойчивость оппонента и, оказывая на него давление, усиливать его энергию сопротивления. В войне, как и в борьбе, попытка опрокинуть противника, не лишив его точек опоры и равновесия, может привести только к истощению, увеличивающемуся в непропорциональном соотношении к приложенному эффективному напряжению. Достижение победы таким способом может быть возможно только через огромное превосходство в силе в какой-то форме, и даже такая победа склонна терять свойства победы решительной. Напротив, изучение военной истории, не какого-то одного периода, но целого курса, указывает на факт, что во всех решающих кампаниях нарушение психологического и физического баланса противника является важнейшей прелюдией к успешной попытке опрокинуть его. Это смещение баланса достигалось стратегическими непрямыми действиями, намеренными или случайными. Как показывает наш анализ, такие действия могут принимать разные формы. Поскольку стратегия не прямых действий включает (однако в более широком смысле) *manoeuvre sur les derri res* (маневры с выходом в тыл противника), которые, как показано в исследованиях генерала Камона, являлись постоянной целью и ключевым методом Наполеона при ведении боевых действий. Однако если Камон сосредоточен главным образом на логистических передвижениях – факторах времени, расстояния и коммуникаций, – то мой анализ имеет целью глубже исследовать психологические факторы и, выполняя эту задачу, выявляет скрытую взаимосвязь между многими стратегическими операциями, не имеющими внешнего сходства с «маневром с выходом в тыл противника» (но тем не менее определенно являющимися яркими примерами «стратегии не прямых действий»).

Чтобы проследить эту взаимосвязь и определить характер боевых операций, нет необходимости сводить в таблицы численность воинских частей и соединений и детали, описывающие их снабжение и транспортировку. Наша задача состоит в том, чтобы проследить исторические действия и результаты в многочисленных последовательностях эпизодов, а также операции по перемещению сил и средств и действия психологического характера, которые к ним привели.

Если сходные результаты проистекают вследствие сходных действий в условиях, которые широко варьируются по характеру, размаху и времени, понятно, что имеется некая взаимосвязь, из которой мы можем логически вывести общие правила. И чем шире варьируются эти условия, тем фундаментальнее будут выводы.

Но объективная ценность объемного исследования о войне не ограничивается поисками новой и верной военной доктрины. Если объемное исследование является необходимым основанием для любой военной теории, то оно в равной степени необходимо и обычному курсанту военного учебного заведения, который стремится развить свой собственный взгляд и суждение на предмет изучения. Иначе его знание военного дела будет подобно пирамиде, перевернутой и установленной на вершину вместо основания и опасно балансирующей на этой вершине. Студент университета приступает к последипломной исследовательской работе только после того, как он получил некие базовые знания истории, еще будучи школьником, и потом, во время обучения в университете, развил и улучшил базовые знания изучением конституционного и экономического аспектов, а также отдельных исторических периодов. В то же время от курсанта военного учебного заведения, который приступает к занятиям относительно поздно, когда мозг уже не так восприимчив, как в юности, ожидают, что он начнет с той точки, кото-

рая соответствует уже последипломной исследовательской работе. Парадоксальная ситуация, и результат иногда неотвратимо приводит на ум бессмертные строки из «Алисы в Стране чудес»:

«Ты уж стар, папа Вильям, – юнец произнес, —
Волос твой побелел радикально,
Но стоишь вверх ногами! Ответь на вопрос:
В твоём возрасте это нормально?»

Глава 2

Греческие Войны – Эпаминонд, Филипп II и Александр Македонские

Наиболее естественной отправной точкой для исследования является первая великая война в европейской истории – великая персидская война. (Греко-персидские войны 500 – 449 гг. до н. э. – *Ред.*) Мы не можем рассчитывать на то, чтобы получить много полезной информации от периода, когда стратегия была еще «в пеленках», но слово «Марафон» слишком глубоко впечатано в разум и воображение всех любителей истории, чтобы пропустить его. Еще сильнее оно впечаталось в воображение греков, и, вследствие этого, значение этого слова было преувеличено сначала ими, а потом, через них, уже европейцами на протяжении всех последующих веков. (Еще до Марафона, в 492 г. до н. э., огромный флот и армия персов двинулись на Грецию. Но флот попал в бурю, обходя Афонский мыс. Погибло 300 кораблей и 20 тысяч человек. Персы повернули назад. – *Ред.*) В то же время, если уменьшить важность Марафонской битвы до пропорций, более соответствующих реальности, будет более ясно видно ее стратегическое значение. Персидское вторжение 490 года до н. э. было относительно небольшой по размаху экспедицией, целью которой было дать урок Эретрии и Афинам – второстепенным государствам в глазах Дария (да и в реальности), чтобы они занимались своими собственными делами и воздерживались от поддержки восстаний среди греческих подданных Дария I в Малой Азии. (Афины и Эретрия на о. Эвбея поддержали в 500 г. до н. э. восставших греков в Малой Азии, послав 20 и 5 кораблей соответственно. Восстание было к лету 403 г. до н. э. подавлено (в 494 г. до н. э. греки были разгромлены в морском бою, в этом же году пал Милет, его жители были перебиты или проданы в рабство). – *Ред.*)

В отношении Эретрии цель была достигнута – она была разрушена, а уцелевшие жители проданы в рабство. Далее наступила очередь Афин, в которых, как было известно, партия отстраненных от власти аристократов (а также режима, существовавшего при тиране Писистрате и его сыновьях. – *Ред.*) была готова помочь персидскому вторжению в целях противоборства со своим собственным народом (в Афинах в это время установилась рабовладельческая демократия. – *Ред.*). Персы вместо нападения непосредственно на Афины высадились у Марафона, в 40 километрах к северо-востоку. Тем самым они могли рассчитывать на то, что армия афинян двинется им навстречу и сторонникам персов будет легче захватить власть в городе, в то время как наступление непосредственно на город помешало бы восстанию и, возможно, даже заставило бы восставших выступить против персов. В любом случае на долю персов выпали бы дополнительные трудности, возникающие при осаде города.

Ловушка сработала, и афинская армия выступила к Марафону против основной части вражеского войска, в точности выполняя требования тогдашней военной доктрины. К несчастью для персов, у их союзников в Афинах изменились настроения, но даже и при таких обстоятельствах персы приступили к выполнению следующего этапа своего стратегического плана. Под защитой подразделений прикрытия они вновь погрузили остальную часть армии на корабли, чтобы перевезти их к Фалерону (естественная гавань, которая до постройки военной гавани и торгового порта Пирея была единственной якорной стоянкой у Афин. – *Пер.*), высадить там и совершить бросок к незащищенным Афинам.

Благодаря энергии Мильтиада афиняне использовали свой единственный шанс, нанеся без промедления удар по частям прикрытия. И в сражении лучшее по сравнению с персами вооружение и доспехи греков (всегда их основной актив) в сочетании с новой тактикой принесли им победу – хотя битва была более напряженной, чем описывает патриотическая легенда, и большинство частей прикрытия персов в целости погрузились на корабли и ушли. С

еще большей (и похвальной) энергией афиняне совершили бросок обратно в город, и эта быстрота в сочетании с медлительностью разочарованной оппозиции спасла их. Поскольку персы слишком долго не предпринимали никаких действий в ожидании сигнала поднятым щитом (сигнал поднятым щитом, который указывал бы на удобный момент для нападения на Афины. Такое намерение легенда приписывала Алкменоидам. – *Пер.*), и, когда афинская армия уже вернулась в Афины и персы убедились в неизбежности осады, они отплыли назад в Азию, поскольку их чисто карательная цель не стоила достижения ценой столь больших затрат и потерь. (Кроме того, на подходе были спартанцы, спешившие на помощь. За три дня они прошли 200 км. – *Ред.*)

Десять лет прошло, пока персы не предприняли реальную попытку повторить намеченную акцию (и даже в больших масштабах). Но греки учились медленно, и только в 487 году до н. э. Афины начали усиливать свой флот, который должен был стать решающим фактором в следующей войне. Таким образом, не погрешив против истины, можно сказать, что Грецию и Европу спасло тогда восстание в Египте, приковавшее к себе внимание Персии в период с 486 до 484 года до н. э., так же как и смерть Дария I (486 г. до н. э.), способнейшего среди персидских царей.

Когда в 481 году до н. э. угроза нашествия возникла вновь, на этот раз в больших масштабах, сам размах нашествия не только сплотил греческие общины и государства, но и заставил Ксеркса двинуться прямо к своей цели. Поскольку армия была слишком велика для транспортировки ее по морю, он был вынужден отправить ее сухопутным маршрутом (как и в 492 г. до н. э.). Армия была также слишком велика для того, чтобы обеспечивать свое снабжение, и эту задачу пришлось поручить флоту. Армия была привязана к побережью, а флот был привязан к армии – поэтому и флот, и армия оказались скованными в выборе маршрута, а значит, греки могли быть уверены в направлении, по которому будет развиваться вторжение, поскольку персы не могли отклониться от него. Сама природа страны предоставила грекам последовательность мест, в которых они могли надежно заблокировать направление ожидаемого наступления, и, как сказал Гранди (G. Grundy – автор книги *The great Persian war and its preliminaries*), что, если бы не было разногласий между самими греками, «захватчики никогда бы не продвинулись южнее Фермопил». В реальности же история получила рассказ о бессмертном подвиге 300 спартанцев, а греческому флоту удалось полностью разрушить план вторжения, нанеся поражение персидскому флоту у Саламина – пока Ксеркс и персидская армия беспомощно наблюдали за уничтожением того, что было не просто их флотом, но (и это гораздо важнее) их каналом снабжения. Стоит заметить, что возможность этого решающего морского сражения была получена путем применения другого способа не прямых действий – сообщения Фемистокла Ксерксу о том, что греческий флот созрел для предательской капитуляции. Хитрой уловке, которая завлекла персидский флот в узости, где его численное преимущество было сведено на нет, придавал достоверности опыт прошлых событий. Более того, в течение семидесяти последующих лет именно сила «непрямых действий», а точнее – возможность нанесения удара по персидским коммуникациям, которой Афины могли обладать и обладали, удерживала персов от дальнейших попыток вторжения в Грецию. Этот вывод хорошо подтверждается незамедлительным возобновлением таких попыток после уничтожения афинского флота при Сиракузах. В историческом контексте стоит отметить, что применение стратегической мобильности для не прямых действий на море было реализовано и использовано гораздо раньше, чем в войнах на суше. Естественная причина состоит в том, что только на поздней стадии развития армии пришли к зависимости от «линий коммуникаций» для их снабжения. Флоты, однако, использовались против морских коммуникаций или средств снабжения враждебной страны, и, когда эта концепция была осознана, естественным было применить ее как средство для военной борьбы на море.

С исчезновением персидской угрозы, последствием битвы при Саламине (после битвы при Саламине (480 г. до н. э.) Ксеркс увел половину персидской армии к Дарданеллам. Оставшаяся армия во главе с Мардоном была с большим трудом разбита афинянами, спартанцами и их союзниками при Платеях в 479 г. до н. э. – *Ред.*), стало возвышение Афин до господствующего положения в Греции. Этому господству положила конец Пелопоннесская война (431 – 404 гг. до н. э.). Чрезмерная продолжительность боевых действий между Афинами и Спартой (и их союзниками от Черного моря до Сицилии), шедших в течение двадцати семи лет войны, и ужасающее истощение не только основных противников, но и неудачливых формально нейтральных государств могут быть объяснены непоследовательной и часто бесцельной стратегией, которой нередко придерживались обе противоборствующие стороны.

В первой фазе войны Спарта и ее союзники предприняли попытку вторжения непосредственно в Аттику. Их планы были расстроены военной политикой Перикла, которая заключалась в уклонении от боя на суше при одновременном использовании превосходящего афинского флота с целью сломить волю противника опустошительными рейдами. Термин «военная политика» использован намеренно, хотя термин «стратегия Перикла» знаком нам почти так же хорошо, как «стратегия Фабия Кунктатора» – выражение, появившееся позже (в ходе борьбы римлян с Ганнибалом). Четкая терминология важна для четкого выражения мыслей, и термин «стратегия» лучше всего толковать в его буквальном смысле, как «полководческое искусство» – фактическое руководство вооруженными силами, в отличие от политики, управляющей не только их использованием, но и сочетанием с другими средствами воздействия: экономическими, политическими, психологическими. Для такой политики был создан термин «большая стратегия», но смысл его уловить не так легко. Следовательно, хотя я и предпочитаю термин «большая стратегия» и постоянно его использую, здесь я буду обычно применять термин «военная политика», потому что главными целями этого исторического исследования являются анализ и классификация. Вместо стратегии непрямых действий, имеющей целью нарушить равновесие противника для того, чтобы добиться победы, план Перикла представлял собой просто военную политику, нацеленную на медленный подрыв наступательной мощи противника и его истощение, чтобы убедить Спарту, что она не сможет добиться победы. Но, к несчастью, ущерб, нанесенный чумой, завезенной в Афины, склонил чашу весов в этом соревновании на моральное и экономическое истощение не в пользу Афин. Вследствие этого в 426 году до н. э. стратегия Перикла была вынуждена уступить место стратегии прямых наступательных действий Клеона и Демосфена. Эта стратегия обошлась дороже и не добилась большего успеха, несмотря на отдельные блестящие победы на тактическом уровне. И ранней зимой 424 года до н. э. Брасид, наиболее способный воитель Спарты, уничтожил все преимущества, с таким трудом завоеванные Афинами, стратегическим маневром, направленным на подрыв корней, а не на сокрушение ствола мощи противника. Пройдя мимо Афин и оставив их без внимания, он совершил форсированный марш-бросок на север через всю Грецию и нанес удар по афинским союзникам в Халкидике, который удачно называли «ахиллесовой пятой Афинской империи». Сочетанием военной силы и обещаний свободы и защиты всем городам, восставшим против Афин, он настолько подорвал господство Афин в Халкидике, что заставил Афины послать туда свои главные силы. В сражении под Амфиполем афинская армия потерпела тяжелое поражение, погиб Клеон, но в момент своей победы погиб и сам Брасид. Теперь Афины были рады заключить невыгодный для себя мир со Спартой (Никиев мир 421 г. до н. э. восстанавливал существовавшее до начала войны положение. Что на практике оказалось неосуществимым. – *Ред.*).

В течение последовавшего вслед за тем псевдомира спартанцы не спешили возвращать захваченные города (как и Афины). Тогда в качестве последнего отчаянного шага Афины предприняли экспедицию против Сиракуз, ключа к Сицилии, откуда осуществлялось снабжение продовольствием Спарты и всего Пелопоннеса. Являясь примером непрямого действия в воен-

ной политике, посылка этой экспедиции имела тот недостаток, что удар наносился не по настоящим союзникам противника, а скорее по деловым партнерам. Тем самым вместо ослабления противника эта экспедиция привлекла на его сторону новые силы.

Тем не менее моральные и экономические последствия успеха экспедиции могли значительно изменить весь ход войны, если бы в ходе ее не было допущено почти беспримерное количество грубых ошибок. Так, для начала, Алкивиад, создатель плана, был отозван с поста командующего объединенными силами в результате интриг его политических противников. Вместо того чтобы возвратиться в Афины и предстать перед судом по обвинению в святотатстве (враги Алкивиада изуродовали гермы – стоявшие на улицах изображения Гермеса, обвинив Алкивиада в соучастии. – *Ред.*) и, несомненно, получить смертный приговор, он бежал в Спарту, чтобы помочь противнику сорвать осуществление его же собственного плана. Вместо него командующим был назначен Никий, ярый противник плана Алкивиада. Будучи, кроме того, бездарным полководцем, Никий, естественно, этот план провалил.

Потеряв свою армию (и большой флот) у Сиракуз, Афины избежали поражения благодаря действиям своего флота (восстановленного ценой огромного напряжения сил), и в ходе боевых действий на море, продолжавшихся в течение девяти лет, Афины оказались в шаге не только от заключения выгодного мира, но и восстановления своей империи. Эти их перспективы, однако, были драматически разрушены в 405 году до н. э. командующим спартанским флотом Лисандром. Говоря словами исследования «Кембриджский университет. Древняя история», «его план кампании состоял в том, чтобы избегать боя, довести афинян до крайности, нападая на их империю в наиболее уязвимых ее местах». Первая часть этого тезиса вряд ли верна, так как план Лисандра был рассчитан не столько на уклонение от боя, сколько на непрямые действия, на удары по противнику только тогда, когда шансы были целиком на его стороне. Путем искусных и вводящих в заблуждение изменений курса своего флота он подошел к входу в Дарданеллы и стал поджидать там возвращения понтийских кораблей, перевозящих зерно, направляющихся в Афины. «Поскольку снабжение Афин хлебом являлось жизненно важным для них», афинское командование «спешно направило весь свой флот числом 180 кораблей для охраны судов с зерном». В течение четырех дней подряд эти корабли безуспешно пытались втянуть Лисандра (имевшего более 200 ко раб лей) в сражение, в то время как последний всячески старался создать впечатление, что он загнан в угол. Таким образом, вместо того чтобы отойти для пополнения запасов в безопасную бухту Сест (или Сестос – древний город на полуострове Фракийский Херсонес, ныне Галлипольский полуостров, находящийся в европейской части Турции. Город был основан эолийцами и упоминается в Илиаде. – *Пер.*), афинские корабли продолжали оставаться в открытом проливе перед Лисандром, вблизи небольшой речки Эгоспотамы. На пятый день, когда большинство команд сошло с афинских кораблей на берег, Лисандр внезапно пошел в атаку, практически без боя захватил почти весь афинский флот (прорвались только девять афинских триер, на которых сохранялась дисциплина и экипажи (включая гребцов) оставались на кораблях. – *Ред.*) и «в течение одного часа закончил одну из самых продолжительных войн». (После этого осенью 405 г. до н. э. спартанские армия и флот с суши и с моря осадили Афины. Оказавшись в безвыходном положении, в апреле 404 г. до н. э. афиняне капитулировали. – *Ред.*)

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что в этой двадцатисемилетней борьбе, когда провалилось множество попыток ведения прямых действий, обычно с ущербом для нападающей стороны, чаша весов определенно склонилась не на сторону Афин вследствие удара Брасида по ее «корням» в Халкидике. Наиболее обоснованные надежды на восстановление утраченного – в плане большой стратегии – появились в результате не прямых действий Алкивиада против экономических «корней» Спарты на Сицилии. И *coup de grace* (последний удар, удар милосердия) был нанесен Афинам Спартой через десять лет посредством тактических не прямых действий на море, которые сами по себе являлись следствием новых не прямых

действий в плане большой стратегии. Насчет этого следует заметить, что возможности были созданы путем угрозы жизненно важным морским коммуникациям Афин. Достижением экономической цели Лисандр мог надеяться по крайней мере на истощение сил Афин, и, вызвав у афинян страх, потери жизненно важных источников продовольствия (подвоз хлеба и прочего из Причерноморья через Проливы), Лисандр мог создать (и создал) благоприятные условия для нанесения внезапного удара и, таким образом, достижения быстрой военной победы.

С падением Афинской империи следующим этапом в греческой истории стало обретение Спартой лидерства среди греческих государств. Поэтому нашим следующим вопросом будет установление решающего фактора, положившего конец власти Спарты. Таким фактором стал конкретный человек, Эпаминонд, внесший весомый вклад в военное искусство. В годы, непосредственно предшествовавшие возвышению Эпаминонда, Фивы освободились от власти Спарты благодаря применению метода, которому впоследствии присвоили имя римлянина Фабия Кунктатора, – методу уклонения от боя, военной тактике непрямых действий, но стратегии простого уклонения, – давая спартанским армиям беспрепятственно передвигаться по Беотии. Этот метод позволил Фивам выиграть время для создания отборного профессионального вооруженного формирования, прославившегося под именем «Священный отряд», которые в дальнейшем явились ударной частью фиванских вооруженных сил. Но этот метод также позволил Фивам выиграть время и получить возможности для распространения недовольства Спартой, а Афинам, освобожденным вследствие этого от угрозы с суши, дал возможность сконцентрировать свою энергию и людские ресурсы на восстановлении флота.

Так, в 374 году до н. э. Афинская конфедерация, в которую входили и Фивы, фактически принудила Спарту к заключению выгодного мира. Хотя этот мир был вскоре нарушен в результате афинской авантюры на море, через три года снова начались переговоры о мире, так как к тому времени афиняне уже устали от войны. Здесь, за столом переговоров, Спарта вновь приобрела многое из того, что она потеряла на полях сражений, и ей удалось изолировать Фивы от их союзников. Вслед за этим Спарта напала на Фивы с целью разгромить их. Однако, продвигаясь в глубь Беотии, ее армия, традиционно превосходившая в качестве, а в данном случае и числом, 10 тысяч человек против 6 тысяч (автор забыл про конницу – у спартанцев 1000 (итого 11 тысяч воинов), у фиванцев 1500 (всего 7500 воинов). – *Ред.*), была полностью разгромлена в сражении при Левктрах построенной по новым принципам армией Фив под командованием Эпаминонда, который может быть назван, возможно, самым самобытным талантом в военной истории. Он не только смело отказался от старых тактических приемов, установленных многовековым опытом, но и заложил основы в тактике, стратегии и большой стратегии, на которых воспитывались последующие поколения полководцев. Применявшиеся им методы построения войск пережили века (а иногда «воскресли» спустя многие столетия). Так, например, «косой боевой порядок», прославивший прусского короля Фридриха II, являлся лишь дальнейшим небольшим усовершенствованием боевого порядка Эпаминонда. Такой способ построения был рожден при Левктрах, когда Эпаминонд, вопреки установившейся традиции, сосредоточил на левом фланге не только своих лучших воинов («Священный отряд», 300 человек), но и значительную часть войск, построив их в ударную колонну в 50 шеренг, ослабив центр и правый фланг (построенные в восемь шеренг), создав таким образом сокрушительное превосходство в силах против правого фланга противника, где находился командующий спартанцев, что и стало ключом к победе (спартанский царь Клеомброт был убит, его войско потеряло тысячу человек).

Через год после битвы при Левктрах Эпаминонд повел войска недавно созданной Аркадийской лиги в глубь Спарты. Этот марш в центр Пелопоннеского полуострова, столь длительное время находившегося под безраздельным господством Спарты, отличался разносторонним использованием метода непрямых действий. Он был совершен в середине зимы тремя раздельными колоннами, двигавшимися по сходящимся направлениям, тем самым заставляя

противника рассредоточить силы. Только один этот марш являлся непревзойденным образцом военного искусства в древних, или, точнее будет сказать, донаполеоновских, войнах. Однако, имея еще более глубокий стратегический замысел, Эпаминонд, после того как его войска соединились под Карией, в тридцати с лишним километрах от Спарты, обошел столицу и двинулся к ней с тыла. Маневр был рассчитан еще и на то, что вторгшимся удастся привлечь на свою сторону значительное количество илотов и других недовольных. Спартамцам удалось, однако, предотвратить это опасное внутреннее движение срочным обещанием освободить илотов от рабства, а своевременное прибытие в Спарту сильных подкреплений от ее пелопоннесских союзников предотвратило возможность взятия города без длительной осады. Эпаминонд вскоре понял, что спартанцев не удастся выманить из города на открытое место и что продолжительная осада означала бы ослабление его разнородной армии. Поэтому он отказался от шаблонной стратегии в пользу более гибкого оружия – военной политики непрямых действий, настоящей большой стратегии. На горе Итома, являющейся естественной цитаделью Мессении, он построил город Мессена, сделал его столицей нового государства Мессения, поселил в нем все недовольные элементы, присоединившиеся к нему, и использовал награбленную в ходе войны добычу как своеобразное «приданое» для нового государства. Это государство должно было контролировать и противостоять Спарте в Южной Греции, и в результате образования этого государства Спарта потеряла половину своей территории и более половины рабов. С последующим основанием Мегалополиса в Аркадии как дополнительного барьера Спарта оказалась окруженной как в политическом, так и в военном отношении цепью крепостей, а экономические корни ее военного могущества были подорваны. Когда Эпаминонд ушел с Пелопоннеса после кампании, длившейся всего несколько месяцев, он не одержал ни одной военной победы, но все же его военная политика определенно подорвала основы спартанского могущества.

Однако политические деятели дома желали сокрушительного военного успеха и были разочарованы тем, что этот успех не был достигнут. В результате из-за воследовавшей (пусть даже и временной) отставки Эпаминонда демократическая партия Фив из-за ее близорукой политики и ошибочной дипломатии потеряла завоеванные для нее преимущества. Это дало возможность аркадийским союзникам, в которых чувство благодарности заслонялось растущим тщеславием и честолюбием, оспорить руководящую роль Фив, и в 362 году до н. э. Фивы были поставлены перед выбором: подтвердить свою власть силой или пожертвовать престижем. Их наступление на Аркадию заставило греческие государства вновь разделиться на две враждебные коалиции. К счастью для Фив, на их службе был не только сам Эпаминонд, но и плоды его большой стратегии, поскольку созданные им государства Мессения и Мегалополис являлись теперь не только факторами, сдерживающими экспансию Спарты, но и увеличивали силу самих Фив.

Двинувшись маршем в глубь Пелопоннеса, он соединился под Тегеей со своими пелопоннесскими союзниками, оказавшись, таким образом, между Спартой и войсками остальных государств антифиванской коалиции, которые сосредоточились в районе Мантиней. Когда спартанские войска предприняли обходной марш для соединения со своими союзниками, Эпаминонд ночью сделал внезапный бросок на Спарту, используя для этой цели свои подвижные войска, и этот план не увенчался успехом только потому, что какой-то предатель своевременно предупредил спартанцев и они возвратились в город. Тогда Эпаминонд принял решение добиться победы в сражении и двинулся от Тегеи через долину, имевшую форму песочных часов, к Мантинее, находившейся на расстоянии около 15 километров. Противник занял сильную позицию шириной в полтора километра в наиболее узком месте долины.

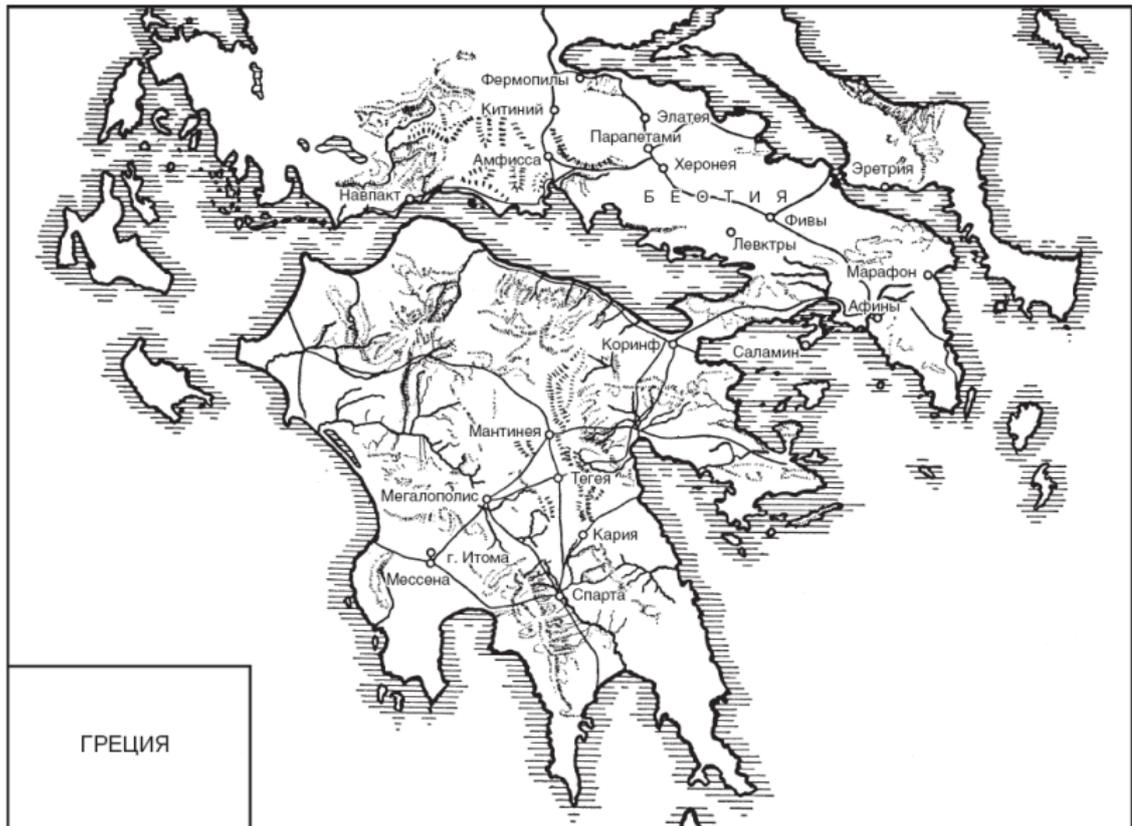
Наступление Эпаминонда по своему масштабу находилось на границе между стратегией и тактикой, но это тот случай, когда произвольное отнесение этого маневра Эпаминонда к тому или другому виду будет ошибочным, тем более что источники его победы при Мантинее в

362 году до н. э. непосредственно относятся к применению метода непрямых действий в бою. Сначала Эпаминонд двинулся прямо к лагерю противника, заставив его построить свои войска в боевой порядок фронтом в направлении ожидаемого наступления Эпаминонда – линии естественного ожидания. Однако, когда до лагеря спартанцев оставалось несколько километров, он неожиданно повернул влево, укрывшись от наблюдения противника за высотами. Этот внезапный маневр создал угрозу их правому флангу. Чтобы еще больше расстроить боевые порядки спартанцев, Эпаминонд остановился, приказал своим войскам сложить оружие якобы для того, чтобы расположиться лагерем. Эта хитрость увенчалась успехом. Обманутый противник расстроил свои боевые порядки, позволив воинам выйти из строя и разнуздать лошадей. Тем временем Эпаминонд под прикрытием легких частей фактически заканчивал построение войск в боевые порядки, аналогичные тем, которые были применены при Левктрах, но более совершенные. Затем по сигналу фиванская армия быстро разобрала оружие и бросилась вперед, к победе, которая была уже почти предрешена расстройством в рядах противника. Однако Эпаминонд был смертельно ранен, и фиванская армия, растерявшись, отступила, убедительно показав последующим поколениям, что армия и государство быстрее всего могут погибнуть, если парализован их мозг.

Следующей решающей войной, имевшей место более 20 лет спустя, стала война, обеспечившая Македонии господствующее положение в Греции. Особенно по причине важности ее результатов эта кампания является ярким примером того, как политика и стратегия могут содействовать друг другу и как стратегия может превратить естественные препятствия местности из проблем в преимущества, которые могут быть использованы в интересах стратегии. Нападавшая сторона, Македония, хотя и была греческим государством, была все же «чужаком», в то время как Фивы и Афины объединились в панэллинский союз в противовес растущему могуществу Македонии, найдя иностранного союзника в лице персидского царя, – странный парадокс истории и человеческой природы. И в этот раз снова нападающая сторона успешно использовала не прямые действия. Даже предлог для попытки добиться господствующего положения был не прямым, потому что совет амфикиононов (Дельфийской Амфикионии) просто пригласил Филиппа Македонского оказать помощь в наказании Амфиссы, расположенной в Западной Беотии, за кощунственные действия. Вполне вероятно, что сам Филипп подсказал сделать ему это приглашение, которое хотя и заставило Фивы и Афины объединиться против него, но, по крайней мере, обеспечило благожелательный нейтралитет других греческих государств.

Совершив марш в южном направлении, Филипп внезапно свернул вблизи Китиния с дороги на Амфиссу, являющуюся наиболее вероятным направлением его движения (линия естественного ожидания), но вместо этого захватил и укрепил Элатею. Это изменение первоначального направления движения свидетельствовало, что у него были широкие политические цели; но также оно показало и стратегический замысел, который подтвердился в ходе войны. Союзные войска Фив и Беотии заняли оборону в горных проходах, ведущих в Беотию, как с западной стороны – путь от Китиния к Амфиссе, так и с восточной – через горный перевал Парапетами, дорога от Элатеи к Херонее.

Первый маршрут может быть уподоблен вертикальной черточке буквы L, маршрут от Китиния к Элатее – нижней черточке, а удлинение через перевал к Херонее – хвосту нижней черточки, задирающемуся вверх.

Прежде чем продолжать военные действия, Филипп предпринял шаги по дальнейшему ослаблению своих противников: политические – путем поддержки фокейцев, ранее разбитых фиванцами (при поддержке Македонии); религиозные – путем провозглашения себя последователем Дельфийского оракула.

Затем Филипп нанес внезапный удар по панэллинскому союзу весной 338 г. до н. э., расчистив себе путь хитрой уловкой. Уже захватом Элатеи Филипп стратегически приковал внимание противника к восточному маршруту, теперь ставшему линией естественного ожидания, то есть направлением, с которого противник стал ожидать наступления, теперь же он отвлек внимание войск противника, блокировавших западный маршрут, организовав, чтобы в руки врага попало письмо, в котором говорилось о его мнимом возвращении во Фракию. После этого он спешно двинулся от Китиния, ночью перешел через перевал и вышел на равнину в Западной Беотии, в районе Амфиссы. Выйдя к Навпакту (Нафпактосу), он обеспечил себе связь с морем. Теперь македонский царь оказался в тылу войск противника, оборонявших восточный перевал, хотя и на расстоянии от них. Вследствие этого войска союзников отступили от Парпетами – не только потому, что, если бы они не сделали этого, их путь отступления мог оказаться перерезанным, но также и потому, что уже не было никакого смысла оставаться на месте. Однако Филипп снова свернул с того направления, где его ждали, и снова совершил маневр, относящийся к непрямым действиям, потому что вместо наступления в восточном направлении от Амфиссы по гористой местности, которая была благоприятна для оборонительных действий со стороны противника, он повел свою армию обратно через Китиний и Элатею, затем повернул на юг через неприкрытый теперь перевал Парпетами и атаковал армию противника у Херонеи. Тактический успех Филиппа II был закономерен, и Македония установила свое господство над Грецией.

Судьба и рок оборвали жизнь Филиппа II до того, как он успел расширить свои завоевания в Азии (он пал жертвой заговора), и запланированную Филиппом II задачу пришлось выполнять его сыну Александру. Последний получил в наследство не только план и инструмент

для его претворения в жизнь – армию, созданную Филиппом II, – но и концепцию большой стратегии. Другим наследством, имевшим большую материальную ценность, были плацдармы в Дарданеллах, захваченные под руководством Филиппа II в 336 году до н. э. Если мы изучим маршруты походов Александра, то мы увидим, что они представляют собой ломаную линию с резкими зигзагами. Изучение истории этих походов приводит к заключению, что причины такой резкой смены направлений ударов были скорее политические, нежели стратегические, но политические в смысле большой стратегии. Очевидно, что манера перемещения войск Александра была прямой, лишенной гибкости. Причина этого, по-видимому, кроется в том, что, во-первых, в юном Александре, воспитанном в атмосфере власти и триумфа, было больше от гомеровского героя, чем в других великих полководцах прошлого, и, что более вероятно, в том, что он был настолько (и обоснованно!) уверен в превосходстве своего инструмента (армии) и в собственных качествах полководца, что не считал необходимым предварительно нарушать стратегическое равновесие своих противников. Его уроки, оставленные потомству, принадлежат двум полюсам – военной политике и тактике.

Начав свой поход с восточного побережья Дарданелл, он сначала направился на юг и разгромил войска прикрытия персов на реке Граник, где у врага хватило ума сообразить, что если они сконцентрируются против чрезмерно храброго Александра, то его вторжение будет парализовано в самом начале. И им чуть было не удалось достичь этой цели.

Затем Александр двинулся на юг, к городу Сарды – политическому и экономическому центру Лидии и всей Малой Азии, а оттуда – на запад, к Эфесу, восстановив в этих городах былую форму правления и права местного населения, чтобы наиболее простым способом обезопасить свои тылы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.